

В поисках имени «концепта»...

Ю.Е. ПРОХОРОВ
rector@pushkin.edu.ru

д-р пед. наук,
профессор, ректор
Государственного
института
русского языка
им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

«Не вдаваясь в более подробный разбор и критику того положения, что язык есть организм, я замечу только, что организм, подобно и неорганическим веществам, есть нечто осязаемое, напоминающее собой известное пространство, а с другой стороны — питающееся, размножающееся и т.д. Организм всегда весь налицо, он существует непрерывно со времени своего рождения до начала его разложения, называемого смертью. Язык как целое существует только in potencia. Слова не тела и не члены тела: они появляются как комплексы знаменательных звуков, как знаменательные созвучия только тогда, когда человек говорит, а как представления знаменательного созвучия они существуют в мозге, в уме человека только тогда, когда он ими думает».

И.А. Бодуэн де Куртене

Любое явление действительности — реальное или виртуальное, связанное с конкретным понятием или конкретным чувственным опытом, и т.д., для любого действия с ним или над ним (будь то научное исследование или его презентация в процессе общения), должно получить некоторое наименование в языковой системе, быть в той или иной степени сопряжено с отдельной языковой единицей или некоторой совокупностью этих единиц. Посмотрим теперь, с какими языковыми единицами сопрягается тот феномен, который во многих исследованиях понимается под именем «концепт». Обратимся к работе В.И. Карасика [4], в которой уже представлен некоторый обобщающий список концептов, исследованных в работах последних лет.

«Полного списка культурных концептов в лингвистической литературе еще нет, и дискуссионным является вопрос о том, каковы критерии для составления такого списка — концептуария культуры. Ю.С. Степанов (1997) выделяет в качестве культурных концептов «вечное, мир, время, огонь и воду, хлеб, действие, ремесло, слово, веру, любовь, радость, волю, правду и истину, знание, науку, число, счет, письмо, алфавит, закон, цивилизацию, душу, совесть, мораль, деньги, страх, тоску, грех, грусть, печаль, дом, язык». Участники конференции «Логический анализ языка. Культурные концепты» (Москва, май 1990 г.) анализируют понятия 'долг', 'милосердие', 'свобода', 'судьба', 'память', 'свое и чужое'. Опубликована серия тематических сборников под редакцией Н.Д. Арутюновой, посвященных концептам 'судьба', 'истина', 'время', 'пространство', 'движение', 'образ человека', 'этика'... В публикациях волгоградских исследователей рассматриваются культурные концепты 'честь' (Слышкин, 1996), 'состязательность' (Воронина, 1996), 'судьба' (Москвин, 1997), 'собственность' (Бабаева, 1997), 'любовь' (Вильмс, 1997), 'труд' (Гоннова, 1997), 'старшинство' (Бунеева, 1998), 'обман' (Панченко, 1999),

‘пустота’ (Суродина, 1999), ‘образование’ (Толочко, 1999), ‘красота’ (Мещерякова, 1999), ‘приватность’ (Прохвачева, 2000), ‘вежливость’ (Томашина, 2000), ‘слухи’ (Долгая, 2000), ‘гостеприимство’ (Павлова, 2000), ‘власть’ (Шейгал, 2001), ‘закон’ (Палашевская, 2001), ‘тоска’ (Димитрова, 2001), ‘подвиг’ (Кохташвили, 2001), ‘смерть’ (Грабарова, 2001), ‘пицца’ (Злобина, 2001), ‘самоуважение’ (Зеленова, 2001), ‘здоровье’ (Усачева, 2002). Базовые эмоциональные концепты (‘страх’, ‘радость’, ‘печаль’, ‘гнев’) анализируются в монографии Н.А. Красавского (2001)... Интересны культурные концепты, взятые в качестве наиболее ярких показателей национального характера, в книге нижегородских филологов: русское — ‘соборность’, ‘воля’, ‘удаль’, ‘беспредельность’, ‘тоска’, ‘вера’ (Макшанцева, 2001), английское — ‘дом’, ‘свобода’, ‘приватность’, ‘честная игра’, ‘сдержанность’, ‘джентльменство’, ‘наследие’, ‘юмор’, ‘здравый смысл’ (Цветкова, 2001), немецкое — ‘идеализм’, ‘порядок’ (Зусман, 2001), французское — ‘дух критцизма’, ‘свободолюбие’, ‘республиканские ценности’, ‘любовь’, ‘дух рыцарства’, ‘индивидуализм’, ‘элегантность’, ‘бережливость’, ‘вкус к комфорту’ (Кирнозе, 2001) [4: 150—151] (библиографические описания использованных в этой цитате работ см. в [4]. — Ю.Л.).

Таких перечней, в принципе, можно приводить уже множество, так как практически нет сборника по лингвистике, когнитивной лингвистике, культурологии, где бы не рассматривался хотя бы один концепт. Но и этого достаточно. Попробуем на этом материале проанализировать, что же может выступать в качестве имени «концепта».

Если исходить из того, что единственным реальным предъявлением концепта (или некоторых его составляющих элементов) может служить язык, некоторая совокупность соотносимых значений языковых единиц (напомним Г.П. Щедровицкого¹) с элементами картины мира, который мы интуитивно-условно обобщаем в концепт, то логично предположить, что именно анализ некоторой совокупности этих языковых единиц и предъявит нам набор тех значений, которые сопряжены с данным концептом. Попробуем это сделать на примере слова «дом» в «Русском ассоциативном словаре» [10], в котором отражена ассоциативно-вербальная сеть носителя русского языка (естественно, определенного периода — периода проведения эксперимента), т.е. как раз на наборе тех значений, которые носители этого языка и сопрягают как с действительностью, так и с тем виртуальным объектом, который, базируясь на его отражении в языковых единицах, организует языковую картину мира.

«Русский ассоциативный словарь»² Книга 2

ДОМ — наш 112; старый 103; деревянный 87; новый 75; родной 64; свой 62; общий 60; небольшой 59; крыша 45; огромный 43; большой 41; высокий 35; детский 29; оставить, стоить 28; вап 24; вернуться, мирный, стена 20; двор, открытый, улица 19; родители 15; деревня, кров, семья 14; близко, восстанавливать, комната, маленький, общественный, отец, полный, приехать, приходить 13; желтый, запирать, прийти, угол 12; вспоминать, светлый 11; войти, другой, дым, мама, проект 10; входить, кровля, лестница, мой 9; зайти, здесь, иметь, нарядный, невысокий, остаться, приземистый, тот, увидеть, холодный

¹ «...Конструкции значений и связанные с ними вторичные смыслы создают для процессов понимания (а вместе с тем для элементов первичного смысла) вторую и особую форму существования; вместе с тем они создают новую и особую форму существования для самого знака... Мы получаем возможность сказать, что смыслы и значения — разные компоненты знака, придающие ему вместе с тем разные способы и формы существования, соответственно — в синтагматике и в парадигматике, социальных ситуациях и в культуре, в реализациях и в нормах... Соединение двух указанных выше характеристик конструкций значений: (1) лежат наряду со смыслами и являются другими функциональными компонентами структуры деятельности и знака, (2) выражают и фиксируют отдельные компоненты смыслов, придавая им второе и особое существование — позволяет рассматривать и трактовать связь между значениями и смыслами как совершенно особое отношение конструктивного замещения, или, как мы его называем, имитации...» (цит. по [14]).

² Коротко напомним систему построения ассоциативного словаря: нечетные тома — прямой словарь, от стимула к реакции; четные — обратный словарь, от реакции к стимулу. За заголовочным словом следуют слова-реакции на этот стимул (в прямом словаре) или слова, к которым данная единица была реакцией (в обратном словаре). Цифры за словами означают число реакций: цифры после словарной статьи (в наших примерах) означают общее количество реакции и число различных реакций.

8; есть, житель, купить, оставаться, приезжать, путь, совместный, тюрьма 7; владелец, город, знакомый, поехать, шумный, это 6; белый, весь, дверь, отдать, похожий, работа, сделать, современный, тихий, уйти, ухаживать, чистый 5; вдовый, выйти, высочайший, выходить, гость, жить, задний, кресло, магазин, материальный, небогатый, о мамах, одинокий, окно, плохой, следующий, телефон, удобства, уезжать, хороший, цилиндрический 4; буржуазный, видеть, газ, главный, голубой, делать, длинный, древний, земля, искать, кузница, мать, новее, остальной, папа, печь, письмо, показывать, постель, проводить, сбежать, свободный, средний, ставить, стоил, суббота, твой, театр, уехать 3; бабушка, в, веселый, вести, видит, вижу, глина, готовый, дети, еда, ехать, зеленый, идти, каждый, каркас, ковер, лучший, место, наихудший, нужный, оказываться, определенный, отдыхать, платить, позвонить, покупать, половина, помогать, последний, постоянный, потерять, прекрасный, привезти, район, ракетный, свиданий, сдавать, сестра, следовать, служба, снимаете, снять, собираться, стоила, столи, стол, страна, странный, темный, теперь, хрупкий, чахлый, черный, чувствовать, являться 2; бабочка, бедствовать, берег, бесплодный, брат, ванна, везти, великий, вешний, взгляд, видим, видите, видишь, видят, военный, возрождать, волос, вор, воскресенье, воссоздавать, год, голова, гора, государство, девочка, девушка, делает, делал, делаю, деревням, дерево, дитя, длиннейший, дорогой, древнейший, единственный, ждать, жена, жизнь, забыть, зеркало, игла, инициативный, иностранный, институт, интересоваться, искусство, их, камень, канал, картина, квадрат, колесо, колхоз, колхозами, колхозов, коридор, который, край, крупный, лев, любить, маму, мастер, матерью, медленный, мерить, молоток, монополия, мост, муж, мыло, мягкий, находиться, некрепкий, нести, низкий, новейший, ночь, нравиться, о деревне, о деревнях, о матери, об отцах, обед, обещать, обязанность, овца, один, он, отобрать, первый, песня, песок, письма, платите, площадь, поднять, подойти, подумать, пойти, показать, ползти, полка, помнить, помочь, помощь, попасть, попробовать, попросил, попросить, правительство, предоставлять, преследовать, принимать, приносить, принять, прислать, провести, просит, просите, простой, пуговица, пурга, разный, рассказывать, река, рыба, самый, свидание, семя, сидеть, скорлупа, слово, смотрели, смыться, снимает, снимал, снимать, собраться, советский, современнейший, сострадание, спросить, сторона, стоял, стоять, существовать, такой, тишайший, топливо, трава, тридцать, труда, трудам, убежать, убежать, убогий,

удрать, улизнуть, учительница, учиться, чай, чаще, широкий, штурмовать, шутка, экономный 1; 2023 + 359

Книга 3

ДОМ; родной 12; большой, мой 4; в деревне, кирпичный, крыша, с мезонином, семья 3; белый, деревня, жилой, красивый, на окраине, строить, тепло, хата 2; ветхий, вилла, высокий, высоко, гостеприимный, дача, дверь, дерево, желтый, жизнь, жилище, жить, за углом, забор, заколоченный, защита, изба, избушка, казенный, калитка, каменный, камень, квартира, клумба, кресло, многоэтажный, мод, на берегу, на улице, облом, огромный, очаг, построенный, построим сами, построить, пуст, пустой, родина, с балконами, стоит, строится, труба, тюрьма, бабушки в деревне, у дороги, убежище, уют, хорошо, хочу, частный, черепица, эстет 1; 104 + 68

Книга 4

ДОМ — строить 55; покинуть 31; покидать 23; громадный 21; строение 17; жилище 15; старинный 14; полон 13; здание 12; квартира, пуст 11; закрытый 10; кирпич, частный 9; отдельный 8; быт, пустой, уют 7; адрес, порог, родной, рушить 6; чужой 5; вернуть, дача, коричневый, крайний, крепость, личный, переделать, продать, раздельный, серый, стройка, холодный 4; грязный, корпус, нижайший, обыкновенный, околица, охранять, плоский, поживать, помещение, сарай, стеклянный, халат, храм, чердак, школа 3; бетон, богатый, ворота, вход, гостиница, далекий, доехать, квартал, ком, кривой, летний, малый, мертвый, небоскреб, неизвестный, ненужный, обойти, объект, обычный, переулок, провода, продавать, пятый, рядом, сделайте, село, спокойный, тепло, теплый, хмурый, хозяйство, целый, цемент, частый, чудесный 2; автобус, английский, атом, баламут, Бим, ближе, Бог, божий, больше, борщ, будет, бутылка, было, в магазин, варенье, вдали, верь, ветка, вешать, внешность, внутри, воля, горный, городской, гроб, далеко, детство, диван, добежать, доброта, домик, доска, достаток, дрель, дряхлый, дырявый, ее, жалкий, за горизонтом, забор, зал, заходить, звенеть, земной, к нему, канат, ключ, книга, книжная, коляска, комплексный, комфорт, коробка, кошка, кран, красть, кровать, курица, кухня, лен, мал, мебель, мое, московский, музей, мусор, на работу, наземный, наряд, неожиданный, некуда, неповторимый, непохожий, неудобства, НИИ, нищий, нормальный, нужда, обильный, обратно, обстоятельства, общежитие, одинаковый, отдавать, отличный, отчество, палас, перед родиной, переезд, план, плуг, под солнцем, поезд, пожар, покой,

пол, поселок, потолок, приблизиться, привидение, прийти, природный, разлука, рама, расслабиться, ремонт, рисовать, родник, родственник, розовый, российский, с лекции, сад, свадьба, сват, свежесть, сверху, синий, скука, сложный, смех, социалистический, старость, старуха, стоп, стоящий, стул, ступеньки, телевизор, телеграмма, тень, тихо, товар, тон, тоска, традиции, третий, тыл, убирать, укол, уносить, усталость, фигура, форма, хозяин, хозяйственное, чай, чему, чисто, швейная, ящик 1; 625 + 237

Книга 6

ДОМ — построить 71; кирпичный 69; уютный 60; заброшенный 53; собственный 43; строиться 32; каменный 30; сумасшедший 29; разрушен 27; кров 26; пригородный, хата 20; полон, фундамент 19; летающий 17; родной 16; ледяной 15; деревенский 14; сельский, семья, хозяйка 13; крашенный, подъезд, строение 11; изба, тапки 10; помещение, собственность 9; этаж 8; за углом, квадратный, напротив, ничей, прочный, садовый, хижина 7; дачный, имущество, приличный, строитель, убогий 6; забытый, инвалидный, нам только снится, подвал, слева, стоять 5; балка, великолепный, возвышенный, зеркальный, красивый, мрачный, нечистый, порядок, сломали, созидать, старенький 4; беспорядок, возвращаться, восво-яска, гнездо, двери, дворец, для двоих, зажигать, капитальный, королевский, лесной, ломать, медвежий, местный, монтаж, покрашенный, некрасивый, отчизна, сгореть, создать, справа, столетний, строительный, теплый, устроить, финский, царский 3; благородный, виднеется, водяной, волчий, гореть, добраться, казарма, красить, крышка, мавзолей, находится, норушка, обязанность, оригинальный, оставаться, отец, открыт, палатка, парламент, печка, приобрести, работа, родители, рыбацкий, скандал, снежный, сырой, убирать, управление, устоявшийся 2; акварельный, американский, бардак, бесценный, ближний, бразильский, бюджета, валить, взвыть, взорваться, возвратиться, воскресение, выгнать, вымерший, гараж, гарем, глиняный, гнилой, гном, голубиная, Горький, дачник, дворик, девичий, денежный, деревня, десятый, дисциплина, Днепр, добираться, дождевой, дурдом, железная дорога, забитый, загнивающий, закоулок, заморский, заплатить, Знаменский, икона, кабак, кабинет, калитка, камин, комок, конструктивный, контора, корявый, космический, крестьянин, крошечный, ленинский, летательный, летящий, лечебный, лифт, людской, магнитный, малый, матери, материальный, матушка, МГУ, мелкий, местность, милицейский, морг, мудрец, наглядный, небеса, невыполнимый, необитаемый,

неотесанный, непреодолимый, неприступный, нехватка, Новый год, норка, Нью-Йорк, обитатель, обширный, объявление, ограда, одноразовый, оконный, персональный, песчаный, печенье, Плюшкин, подготовить, позади, полдень, помощник, понятие, порхающий, потеря, потрясающий, почта, приход, проклятый, прораб, прочная, птичий, радостно, разбитый, раздеваться, распался, расставаться, розетка, роскошь, русский, сбоку, святость, секретный, сельсовет, семейный, скамейка, склад, скрипичный, сломанный, СНГ, снится, собачий, собрать, создавать, соседка, сосновый, союзный, съезд, сыро, танцы, топор, трамвайный, трест, трухлявый, уборка, удобный, уличный, установить, ушел, фиолетовый, фирма, фонд, хлеб, хлебный, хозяйственный, хоровой, хороший, христианский, хрустальный, Чернобыль, чистый, шататься, ширина, штора, экстремальный 1; 1150 + 272

Попробуем посмотреть на эту, вполне научно фундированную «языковую картину», научно непредвзятым глазом. Что прежде всего бросается в глаза?

1. Во-первых, ее абсолютная реальность — в принципе, каждый носитель языка может определить некую логику возникновения данных ассоциативных пар.

2. Во-вторых, ее абсолютная хаотичность — и принципиальная, и индивидуальная для каждого носителя языка. Есть уровень некоторой достаточно общей ассоциации, есть абсолютно индивидуальные варианты. Но и они — по условиям выбора вариантов — являются первыми реакциями реципиента, т.е. являются для него наиболее существенными и значимыми (в силу некоторых обстоятельств его существования и речевого общения). Это значит, что, будучи элементами некоторого неупорядоченного хаоса для меня, для него они — важная часть его системы, его «языковой картины мира». И так — по отношению к любому слову, что всегда четко можно увидеть в ассоциативном словаре — в каждой словарной статье присутствует очень значительная часть индивидуальных реакций, которые для кого-то — первые, наиболее значимые.

3. В-третьих, собственно ядро, т.е. наиболее устойчивая часть концепта, крайне незначительно — в прямом словаре показатель частотности **104 + 68 + 1 + 52:**

104 — общее количество реакций на слово-стимул;

- 68 — число разных реакций;
 1 — число отказов от реакции;
 52 — число единичных реакций.

При этом наиболее частотная реакция — 12 — составляет всего около 11,5%³, а сумма всех «неединичных» реакций составила 50%. Еще один показатель — соотношение частотности реакций и вообще 50% всех полученных реакций⁴:

по **Книге 2** — ДОМ: наш 112; старый 103; деревянный 87; новый 75; родной 64; свой 62; общий 60; небольшой 59; крыша 45; огромный 43; большой 41; высокий 35; детский 29; оставить, стоять 28; ваш 24; вернуться, мирный, стена 20; двор, открытый, улица 19;

по **Книге 3** — включая единичные реакции;

по **Книге 4** — ДОМ: строить 55; покинуть 31; покидать 23; громадный 21; строение 17; жилище 15; старинный 14; полон 13; здание 12; квартира, пуст 11; закрытый 10; кирпич, частный 9; отдельный 8; быт, пустой, уют 7; адрес, порог, родной, рушить 6; чужой 5; вернуть, дача, коричневый, крайний, крепость, личный, переделать, продать, раздельный, серый, стройка, холодный 4;

по **Книге 6** — ДОМ: построить 71; кирпичный 69; уютный 60; заброшенный 53; собственный 43; строиться 32; каменный 30; сумасшедший 29; разрушен 27; кров 26; пригородный, хата 20; полон, фундамент 19; летающий 17; родной 16; ледяной 15; деревенский 14.

Какой вывод можно сделать из этого анализа? Нам представляется, что принципиальным для понимания специфики именованного феномена, который мы называем «концепт», является тот факт, что само имя «концепта» (в нашем случае мы выбрали в качестве имени слово «дом») функционирует в ассоциативно-вербальной сети как стимул к реакции значительно слабее, чем как реакция к иному стимулу. Это имя обладает как бы не центростремительной силой («притягивания к себе»), а центробежной («разбегания от самого себя»). Этим разбеганием «имя концепта» как бы соединяет воедино другие семантические пространства, относя их (при всей их самостоятельности и разрозненности) к некоторому об-

щему концептуальному пространству. Попробуем это выразить иначе (пусть даже в качестве предположения): «имя концепта — дом» обладает центростремительной силой в ассоциативно-вербальной сети, тогда как «концепт дома» обладает центробежной силой по отношению к семиотическому и семантическому пространствам.

Сравним теперь данные показатели по аналогичной схеме с той языковой единицей, которая а priori не рассматривается как концепт, например, с одной из составляющих концепта «дом» — словом «стена».

Книга 1

СТЕНА — белая 63; высокая, каменная 28; дома 24; глухая, дом 20; кирпичная 15; непонимания 14; дверь 11; кирпич, пол 10; непробиваемая 9; бетонная, молчания 8; большая, Китайская 7; голубая, Пинк Флойд, потолок, преграда, толстая 6; препятствие, серая 5; гнилая, желтая, зеленая, камень, крепкая, крепость, стоит 4; Pink Floyd, Берлинская, забор, картина, красная, кривая, непреодолимая, неприступная, окно, холодная 3; высота, доска, здания, кирпичи, красная, крашенная, наклонная, недоверия, непроходимая, обои, отчуждения, плотная, прочная, светлая, сплошная, темная, черная 2; альбом, Бастилия, башня, бежать, безмолвия, безысходность, Берлин, блок, вал, Вена, вина, ворота, высока, гладкая, глухо, горох, дала, дело, диск, длинная, дыра, железная, забора, заграда, ограждение, запрета, заслон, зеркало, знак стоп, из камня, из кирпича, из солдат, как нам быть, карандаш, кафельная, квартира, класса, кол, комната, которую ты сломаешь, красивая, красить, Кремль, кругом, лавина, лагерь, ладьей, между, между нами, между ними, мокрая, мотор, мощно, мракобесия, мраморная, мучений, мяч, надвинулась, начальник, непробиваемая, недостаток, неприятия, непробивная, нерушимая, нет перспективы, нет пути, обклеена, обход, обширная, ограда, она, отвесная, отчаяния, падает, падающая, памяти, панно, Парлержа, пластинка, плита, покосившаяся, пот, предел, преодоление, преткновение, преткновения, пустота, равнодушия, разбита, разрушена, разрушенная, разрушить, расстрелять, рухнула, с дырой, синяя, скала, слеза, сломана,

³ В свое время (см. [8: 135–146]) мы анализировали процентные показатели частотности реакций при сплошной выборке — вообще в статьях словаря практически нет примеров, когда наиболее частотная реакция превышает 50% всех реакций; более того, в 50% вообще всех полученных реакций часто входят уже и единичные реакции.

⁴ Точно 50% указать невозможно, так как в одну частотность могут входить несколько слов, поставленных в алфавитном порядке; поэтому указывается полный список той последней частотности, в которой показатель достигает 50%.

смена, Сталин, стена, стойкая, столовая, стоп, строй, стройка, трудность, тупик, тупость, туф, тюремная, тюрьма, тяжело, угол, ужас, упругая, футбол, холод, церкви, шкаф, штукатурка 1; 539 + 179 + 3 + 122

Книга 2

СТЕНА — натолкнуться 11; картина, ковер 10; угол 9; дверь 7; сверло 6; крыша 5; наткнуться, спина 4; комната, молоток, полка, сторона 3; висеть, зеркало, подойти, рисунок, штурмовать 2; белый, встреча, вьюга, гибкий, город, двигать, двойной, желтый, жесткий, жизнь, за, зайти, запирать, застенчивый, здесь, интересный, камень, квадрат, коридор, короткий, лестница, мало, надменный, написать, о пауках, огромный, паук, помощь, попасть, посмотреть, прекрасный, процесс, рожа, рубль, стена, стеснительный, стола, страна, сыр, тщетный, тюрьма, упорный, упрямый, уходить 1; 132 + 62

Книга 4

СТЕНА — квадратная 5; афиша, крепость, плакат, преграда, тупик 3; вплотную, портрет, постучать, потолок, серая, тень 2; барьер, белая, бесполезно, бетон, бить, ближе, в никуда, внизу, время, вымпел, высокая, гвоздь, гранит, гребень, громадный, дрель, живопись, камни, кафель, кирпич, корыто, куб, маска, могила, на свет, напролом, наручники, нахал, обетованная, опустить, пена, плоский, пол, попытка, приятель, прогремел, прочность, радио, рыжая, ряд, слайды, стекло, Степа, строить, стук, ученик, фотография, цемент, часы, шкаф 1; 82 + 62

Книга 6

СТЕНА — бетонная 45; преграда 6; красить, пробить 5; мрамор, надпись, справа 4; карабкаться 3; берлинская стена, в тупик, горох, каменный, кремль, объявление, поставлена, потолок, предел, прочная, розетка, сверлить, щель 2; безысходность, биться, бордюр, высота, Германия, глиняный, глухо, гранит, долбить, домашний, за углом, зад, защита, кирпичный, китайский, клоп, крашенный, лабиринт, ломать, маятник, налетел, непреодолимый, неприступный, нерушимый, огненная, ограда, печная, плоская, портрет, прикол, прорыв, расстрел, сбоку, серость, толчок, треснуть, тюремная, широкопоя 1; 140 + 59

Собственно ядро, т.е. наиболее устойчивая часть ассоциативных реакций в прямом словаре — 539 + 179 + 3 + 122:

539 — общее количество реакций на слово-стимул;

179 — число разных реакций;

3 — число отказов от реакции;

122 — число единичных реакций

При этом наиболее частотная реакция — 63 — также составляет всего около 11,5%, а сумма всех «неединичных» реакций составила около 23%. Еще один показатель — соотношение частотности реакций и вообще 50% всех полученных реакций:

по **Книге 1** — белая 63; высокая, каменная 28; дома 24; глухая, дом 20; кирпичная 15; непонимания 14; дверь 11; кирпич, пол 10; непробиваемая 9; бетонная, молчания 8;

по **Книге 2** — натолкнуться 11; картина, ковер 10; угол 9; дверь 7; сверло 6; крыша 5; наткнуться, спина 4; комната, молоток, полка, сторона 3;

по **Книге 4** — включая единичные реакции;

по **Книге 6** — бетонная 45; преграда 6; красить, пробить 5; мрамор, надпись, справа 4.

Таким образом, из приведенных примеров можно, как нам кажется, сделать интересные выводы.

1. У того слова, которое мы согласились рассматривать как концепт, прямые реакции, т.е. ситуации, когда оно выступает в качестве стимула, незначительны — 50% всех реакций уже включают единичные реакции; у единицы «не концепта» именно прямые реакции составляют наиболее частотную часть.

2. С обратными реакциями, т.е. в ситуациях, когда данная единица является не стимулом, а реакцией, картина противоположная: у «концепта» это наиболее частотные «пары слов», у «не концепта» они стремятся по убыванию частоты к единичным, ср. 19 — 4 — 14 / 3 — 1 — 4.

Если для подтверждения тенденции сравнить аналогичный подход к другому концепту — «смерть», то картина будет следующая; в прямом словаре, где это слово выступает в качестве стимула (Книги 1, 5), 50% всех реакций будут также включать уже и единичные реакции; в тех случаях, когда это слово будет реакцией (Книги 2; 4; 6), 50% реакций соответственно укладываются в частотности 6 — 2 — 3. Если взять одну из частотных реакций к слову «смерть» в качестве стимула, например, «гроб» (частотность 10), то получается следующее: в пря-

мой паре «стимул-реакция» половина реакций — до частотности 2. В обратных словарях (Книги 2, 4, 6) наблюдается чрезвычайно интересная картина, не нарушающая — чисто лингвистически! — принципа: в Книге 2 может быть исключена наиболее частотная пара «гроб — горб», так как она основана не на семантическом принципе, а на звукоподражательном, что часто встречается в ассоциативных экспериментах; в этом случае 50% реакций уже включают единичные. В Книге 6 наиболее частотная пара «гроб — цинковый» (50% всех пар!), однако это напрямую связано со временем проведения эксперимента, когда эта ассоциативная связь была наиболее частотной в средствах массовой информации (война в Афганистане) — за исключением этой пары в остальные 50% реакций уже включаются единичные.

Исходя из понимания языковых единиц, которые могут рассматриваться как «имена концепта», и их роли в ассоциативно-вербальной сети как структурно-содержательной модели общения определенной лингвокультурной общности, можно, на наш взгляд, предположить, что те конструкты, которые мы именуем «концептами», реально в языке (общении на этом языке) служат «скрепляющим» элементом, обеспечивающим устойчивость соотношения и взаимосвязи семантического и семиотического полей: на основании именно организованного в национальной (языковой) картине мира концептуального поля участники общения — в данных условиях и на данном языке — «единообразно» выделяют и реализуют те значения языковых единиц, которые релевантны в традиционной для них модели общения.

В связи с этим мы согласны и не согласны с утверждением С.Г. Воркачева, который пишет: «Очевидно, можно утверждать, что ((лингво/культурный) концепт представляет собой в достаточной мере «фантомное» ментальное образование как в силу своей эвристичности — он принадлежит к инструментарию научного исследования, так и в силу того, что он является своего рода «ментальным артефактом» — рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения все той

же «духовной реальности». «Оставаясь протермином вне контекста конкретной научной парадигмы (теории), он «накрывает» идеальные сущности, общим для которых остается лишь «не-материальность» — принадлежность к области субъективного». «Можно допустить, что, подобно множеству в математике, концепт в когнитологии — базовая аксиоматическая категория, неопределяемая и принимаемая интуитивно, гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, сценария, гештальта и др.» [3: 50, 42]. Согласно в том, что это действительно некоторая «виртуальная реальность» — но не фантом: концепт всегда реален своим проявлением, своим воздействием на организацию семантических и семиотических пространств в общении. Он принадлежит не конкретной научной парадигме, а действительно термин для, если угодно, метаязыка протокоммуникации, или, как мы уже называли это явление, хаосокосмологии общения (подробнее об этом ниже). Схемы, фреймы, сценарии, гештальты и т.п. — суть формы организации концепта в зависимости от уровня его рассмотрения и угла зрения. И именно это и не снимает проблемы описания и представления содержания и структуры данного феномена.

Естественно, возникает вопрос: а можем ли мы вообще выявить скрытое имя «концепта» или конвенционально дать ему имя? Очевидно, это связано с пониманием взаимосвязи языка и мышления. Если исходить из того, что мышление может быть лишь вербально — то безусловно. Это не исключает наличие некоторых, якобы невербальных, проявлений эмоций, действий или состояний: они также имеют свою семантику и свою семиотику, а, значит, подлежат упорядочению в концептуальном поле. С другой стороны, нет таких явлений, которые, реализуясь в данном человеческом коллективе как элементы его общения, не находили бы своего вербального выражения (пусть в самом приблизительном, описательном и неточном виде — однако эта неточность вполне достаточна для представителя данной лингвокультурной общности, чтобы понять «из слов», о каком явлении идет речь; показательно, что даже при межкультурной

коммуникации, когда часто отмечается, что в одной реальности/на одном языке этому есть название, а в другой/на другом нет названия, коммуникация всегда все же происходит). Следовательно, некоторое вербальное именование концепта может быть выявлено.

Другое дело, что это далеко не всегда может быть определено единичным словом. Это справедливо отмечает С.А. Борисова: «Между концептивной и семантической сферами языка нет прямого соответствия. Каждому концепту не обязательно соответствует конкретная лексическая единица. Путем комбинаций языковые выражения — «вербальные оболочки концептов» — могут отражать любые концепты и отношения между ними» [2: 61]. Это связано не только с «широтой» концепта, но и с фактом ее именно «центробежного состояния». В зависимости от семантико-семиотических параметров общения, в каждом конкретном случае задействованы разные элементы концептуального пространства, поэтому в каждом конкретном случае этот концепт может и именоваться «через посредство» этой его составляющей. Поэтому трудно согласиться с позицией В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, отмечающих, что «наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые — периферию... Языковая или речевая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта» [5: 77], так как центр и периферия здесь — очень зыбкие понятия.

Позволим себе такое построение:

● концепт есть некоторая референция, определяющая взаимосвязь, отношения между действительностью ситуации общения и теми семиотическими и семантическими полями, которые на данном языке в данной культуре устойчиво с этой ситуацией соотносятся. Референция⁵ определяется в лингвис-

тике как «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности». В филологии имеется понятие «референтная группа», которое возникло для описания и объяснения того факта, что в своем поведении человек ориентируется на некоторую эталонную группу, которая может выступать как стандарт для самооценки (компаративные референтные группы) и источник его установок, норм и ценностей (нормативные референтные группы). Все это вполне сопоставимо с предлагаемым пониманием существа концепта⁶;

● реальная реализация концепта — это некоторая преференция⁷, некоторый выбор, некоторое предпочтение тех или иных правил, способов и средств организации данного конкретного общения: не случайно в различных коммуникативных пространствах об одном и том же можно сказать одной и той же конструкцией, а в одном коммуникативном пространстве об одном и том же можно сказать по-разному, с учетом личностных характеристик общающихся.

Что из этого следует? Очевидно, все, что относится к концепту, обладает двумя взаимосвязанными характеристиками: это и некоторое множество существующих понятий и их вербальных именовании, исторически сложившихся в общении на данном языке в данных условиях действительности — с одной стороны, и, с другой — правил личного включения индивида в процесс социально, исторически и корпоративно установленных на данный момент правил этого общения, закрепленных в концептах. То есть: во-первых, индивид попадает в уже имеющийся набор правил, которые для него на определенном уровне их постижения неясны, неопределенны и непостижимы — но они уже существуют. Во-вторых, в процессе социализации

⁵ *Refero* (лат.) — отношу, связываю, сопоставляю.

⁶ Ср. определение в «Словаре иностранных слов»: «Референция [*лат. referre* — сообщать] — 1. справка о службе; отзыв; 2. в деловых отношениях — характеристика (отзыв), даваемая лицу или предприятию другим лицом или организацией, пользующимися доверием в деловых кругах...» — т.е. речь, в принципе, идет о значимости «норм и оценок» некоторого представителя нормативной референтной группы для участника некоторого взаимодействия. Одно из значений приставки *ге* — возобновление или повторность действия.

⁷ *Praeferre* (лат.) — предпочитать; приставка *прае* — впереди.

зации он их «систематизирует», приводит в некоторый порядок, начинает осознавать и «следовать» им. Это следование приводит к тому, что он начинает четко представлять себе, в какой ситуации, в каком коммуникативном пространстве те или иные вербальные средства «подходят» для достижения целей своего общения. То есть уровень его референции, которой он овладел, позволяет находить средства для реализации — лично и ситуативно — его предпочтений. И так происходит в каждый момент общения.

Выше мы говорили о центростремительной специфике тех языковых единиц, которые связаны с концептом. Очевидно, что специфика формы выражения концепта не может не соответствовать и его сущности: концепт — это то, на базе чего происходит, с одной стороны, построение — в данных условиях на данном языке — всей системы коммуникации, а с другой — то, что объединяет разрозненные элементы семиотических и семантических структур (самих по себе — сложных замкнуто-открытых сфер) в процессе коммуникации, организует, «строит» в некоторую упорядоченную (опять же, для данной действительности и средствами данного языка!) логическую определенность.

В других терминах речь идет о том, что «владеет хаосом» организации общения, индивид в каждый конкретный его момент строит космос общения. «Хаос становится как бы всепорождающим и всепоглощающим началом. Его основное свойство — движение. Хаос — это игра разнонаправленных сил. Хаос стихийен, динамичен и лишен образа. Хаос погружен во мглу, безвиден и безлик. В хаосе соединены два аспекта — пространственный и животворящий, место и жизненная потенция. В нем совпали начала и концы. Хаос диалектичен. В нем живут противоречия. В нем действуют несогласованные между собой силы... В отличие от хаоса, космос внутренне организован, упорядочен, уравновешен и статичен. Хаос безмерен, в космосе царят мера и пропорция. Хаос непрерывен, космос дискретен. Он обладает целостной формой... Обилие сфер порядка и беспорядка оборачивается обилием их форм, а обилие форм — избытком соответствующих им слов...» [1: 3;7].

Возвращаясь к некоторому генерализованному представлению «картины мира», которая является и базой, и организующим элементом любого общения («фигурой действительности»), мы можем сказать, что взаимоотношение хаоса-космоса общения есть та же неразрывная и неслиянная конструкция, о форме существования которой лингвисты часто говорят в последнее время — научная картина мира все больше соотносится с языковой (кто сказал, что только и обязательно наивной?) картиной этого же (!) мира.

«В данной трактовке становится очевидной голографическая природа (функционирования) языка; каждый знак как бы заключает в себе и звук, и слово, и предложение, и текст, в зависимости от масштаба наблюдения. Мы лишь привыкли воспринимать звук как точку, слово как линию, предложение как поверхность и текст как куб. Текст (в традиционном понимании) является как наиболее объемным телом, допускающим многочисленные интерпретации, так и возвращающимся назад, через коллапс, к точке как к самому простому значению, обладающему, однако, бесконечной потенциальностью. Значение «Гамлета», например, в свернутом виде может существовать лишь как смутное ощущение тревожности, ср. фонетическое значение, т.е. значение звука. В этом смысле основное значение, которое может остаться после прочтения «Гамлета» (и многочисленных его интерпретаций) — это «мурашки по коже»... <...> значение, которое постоянно появляется и исчезает в том или ином коммуникативном универсуме, характеризуется различной степенью четкости (расплывчатости), т.е. является в различной степени интегрированным. Данная степень напрямую связана с интегративностью языковой личности, т.е. с тем, насколько целостно («комфортабельно») ощущает себя представитель того или иного коммуникативного универсума...

Коммуникативный акт как движение, объединяющее в себе четыре значимых момента, можно рассматривать в терминах соотношения свободы и ограничений... Значение как точка, существующее еще вне пространства и времени, содержит в себе полную свободу, т.е. обладает тремя степенями сво-

боды. Значение как линия, развернутая во времени, обладает двумя степенями свободы и одной степенью ограничений. Значение как поверхность (плоскость), построенное в пространстве, имеет одну степень свободы и две степени ограничений. Значение как куб, сочетающий в себе пространство и время, предстает в наиболее реальном виде; данное значение является реализованной, т.е. наиболее оформленной свободой и обладает тремя степенями ограничений. Тем самым с каждым новым поворотом значения семиотическая свобода получает все больше ограничений, а генеративность коммуникативных взаимодействий растет; не случайно Ч. Пирс считал символ самым генеративным типом знаков» [6: 86—87].

Допустим, что так из хаоса строится космос. Но этот путь и бесконечен, и непрерывен, и «самообращен» — космос не есть нечто построенное и застывшее (в том числе, в словах и нашем использовании их в общении) — он является «новым хаосом» для построения «нового космоса» в каждой новой ситуации общения. Почему же это возможно? Нам кажется, что вполне строгий и логичный ответ можно найти в рассуждениях отечественного лингвиста, философа, специалиста по кибернетике В.В. Налимова, строившего вероятностную модель языка. Приведем две обширных цитаты из его исследования.

«Мы не знаем, в чем в действительности состоит «процедура» мышления человека. Но мы хорошо знаем, что на *уровне коммуникации*, при общении друг с другом люди широко используют формальную логику. В нашей повседневной речи, не говоря уже о языке науки, мы легко можем проследить логическую структуру, об этом мы уже немного говорили выше. И здесь немедленно возникает вопрос: в чем же тайна нашего языка? Почему логическая форма коммуникации не подавляет каких-то, может быть, и не понятых нами, но, несомненно, значительно более богатых форм мышления человека? Как преодолевается гёделевская трудность в нашем языке?»

Концепция полиморфизма является ответом на эти вопросы. Нечеткие и неотчетливые по своему смыслу слова с неровными краями областей их значений, неясность разграничительных линий между понятиями, их много-

образии и пестрота — все это создает возможность для нарушения строго дедуктивных форм мышления, при этом такое нарушение происходит в вежливой форме, не вызывающей раздражения у собеседника. Рассуждения человека должны быть, с одной стороны, достаточно логичными, т.е. они должны базироваться на дедуктивной логике, с другой стороны, они должны быть построены так, чтобы допускались логические переходы типа индуктивных выводов и правдоподобных заключений, не укладывающихся в строгую логику системы постулатов и правил вывода (иначе система будет тавтологической). Полиморфизм языка — это один из способов допущения «нестрогости» логики при «внешнем» сохранении видимости дедуктивной строгости: он позволяет вводить в нашу систему суждений ту «рассогласованность», без которой она была бы неполна...»

«Развиваемая нами вероятностная модель языка опирается на утверждение о том, что наш язык должен быть пригоден для выражения непрерывно развивающихся и усложняющихся знаний о мире...»

Если логика — это средство коммуникации, то полиморфизм языка — это, скорее, преодоление трудностей в логически построенной системе коммуникаций, а не в самой системе мышления. Вероятностная модель языка — просто одно из возможных разъяснений того, как эта трудность преодолевается...

Одно из основных представлений квантовой теории заключается в признании того, что вероятность является фундаментальным свойством атомарно проявляющейся реальности и управляет всеми процессами, включая само существование материи. Субатомные частицы не существуют безусловно в определенных местах, а скорее, обладают, по выражению Гейзенберга (1963), «тенденцией к существованию». На уровне атомов события не случаются с безусловностью в определенное время, а скорее, имеют «тенденцию происходить». Генри Стапп (1971) подчеркивал, что эти тенденции или вероятности не есть вероятности «вещей», а скорее, вероятности «взаимосвязей» [7: 108—110].

Нам кажется принципиально важным учет в любом лингвистическом исследовании тех элементов общей логики построения человеческого мышления и человеческого зна-

ния, принципы которой достаточно фундаментально разработаны специалистами других наук. И понятие «вероятности» в полной мере соотносимо с объектом данного исследования. Мы пытались — вслед за многими исследователями, по воспитанной в нас лингвистической логике, выделить «нечто конкретное» и поместить его в аналогичное «нечто». Но концепт действительно есть именно «тенденция к существованию», что вовсе не делает его абсолютно виртуальным, или абсолютно непознаваемым, или абсолютно не именуемым — ведь вероятность не уничтожает логики реального общения. Концепт — это, действительно, не вероятность вещей, а вероятность взаимосвязей — именно это позволяет удерживать «разбегание» семантических и семиотических пространств до полного хаоса, а наоборот: именно концепт позволяет удерживать их и взаимосвязывать, создавая при этом каждый раз заново из хаоса понятия, значений, смыслов и символов космос реального понимания.

Так может ли концепт быть именован конкретной языковой единицей? И да и нет. В каких-то ситуациях общения (вспомним еще раз — как деятельности!) он может во всей своей полноте быть сопряженным с отдельным словом — «счастье», «смерть». Иногда некоторые параметры общего содержания концеп-

та лучше всего могут быть выражены (здесь и сейчас! — вспомним единичные ассоциации, которые у кого-то первые) некоторой совокупностью единиц. Именно в этом и проявляется прежде всего потребность в прецедентных высказываниях данной культуры, позволяющих и культурно детерминировать участников общения, и опираться на некоторое присущее данной культуре единство в понимании как этой совокупности единиц, так и концепта в целом — «счастливые часов не наблюдают», «на миру и смерть красна». Концепт может быть невербально означен — белый цвет платья невесты у русских и белый цвет платья вдовы на Востоке.

Но, с другой стороны, концепт не есть «слово» — концепт есть совокупность равноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенного фрагмента картины мира, детерминированного целым рядом параметров, о которых говорилось выше, и именованных данным языком. Поэтому нам представляется более точным говорить, например, не о концепте «счастье» или концепте «смерть», а о «концепте счастья» и «концепте смерти», устойчиво реализуемых в общении представителей тех или иных культур, что, естественно, не отрицает наличия в них и общечеловеческих составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
2. Борисова С.А. Пространство — Человек — Текст. Ульяновск, 2003.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. Воронеж, 2001.
6. Клюканов И.Э. К вопросу о развитии значения // Материалы международной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков. Ч. I: Сб. науч. тр. Тверь, 2003.
7. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. Изд. 2-е. М., 1979.
8. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2003.
9. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.
10. Русский ассоциативный словарь. М., 1994–1996.
11. Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.
12. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
14. Панков А.В. Разгадка Бахтина. М., 1995.